

Малько Александр Васильевич,

доктор юридических наук, заслуженный деятель
науки Российской Федерации
профессор Поволжского института (филиала)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)

О роли юридической науки в современном российском обществе

Поскольку мой доклад ориентирован на предельно широкую аудиторию (включая адъюнктов Нижегородской академии МВД России), я постараюсь более доступно рассказать о роли юридической науки в современном обществе, используя определенные примеры и имеющийся собственный опыт, через призму, что называется, сделанного.

О науке и ее роли в обществе. Если говорить в самом общем виде, то **наука** — это сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и упорядочение объективных знаний о действительности, а также оптимальное их использование на практике. Следовательно, с ролью науки (в том числе и юридической) связана известная триада действий: 1) производство новых знаний, идей; 2) их систематизация; 3) использование их как для развития самой науки, так и для практики.

Попытаюсь показать роль юридической науки на примере такой идеи, как «правовая политика», которая за последнее время уже стала полноценной категорией.

О правовой политике как категории XXI века. Ее разработка — одна из главных задач юридической науки, прежде всего теории государства и права. Вокруг нее ведется оживленная научная дискуссия, в процессе которой проясняются причины образования этой категории, ее место и роль в системе современной юриспруденции.

Любая категория вводится в науку тогда, когда для этого «созревают» соответствующие условия, когда накапливаются необходимые знания, формируются «близлежащие» понятия, появляются востребованные этими и иными обстоятельствами новые методы исследования и т. д. Так случилось и с категорией правовой политики. Сначала научная информация об этом явлении «складывалась» в учении о политике права, которое, как и всякое иное научное направление, в основном ориентировалось на идеальное, должное право, затем данные сведения были востребованы практикой, и заговорили уже о правовой политике, которую должны проводить в жизнь государственные органы и т. п. В середине XX века появляются системный подход и другие методы, которые были уже в состоянии полноценно исследовать названный весьма сложный междисциплинарный феномен, имели необходимые познавательные ресурсы для анализа существующих в таком масштабном явлении связей, а также взаимодействия его с другими масштабными явлениями (например, с одной стороны, с правовой системой, правовой жизнью общества, а с другой стороны, с экономической, социальной, информационной политикой и т. п.). Все это позволило вплотную заняться изучением рассматриваемого феномена, и уже в начале XXI века стала складываться теория правовой политики, стала формироваться соответствующая категория, выражающая процессы оптимизации права, пути правового развития общества и т. д. Категория «правовая политика» начинает формироваться, по сути, только тогда, когда возникает жизненная необходимость в явлении «правовая политика», в соответствующей системной, последовательной и научно обоснованной деятельности в сфере правового регулирования, когда право начинает высоко цениться и с ним связывают возможность усовершенствования государства — доведения его до уровня правового государства.

Если говорить кратко, то под **правовой политикой** предлагаю понимать деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по усовершенствованию правовой системы в целом¹.

Правовая политика — это одна из главных категорий юридической науки (наряду с правом, правовой системой и правовой жизнью общества). Она отражает весьма богатую по содержанию политико-правовую реальность: последовательную и системную деятельность, нацеленную на введение новаторских технологий и конструкций в юридическую сферу, на внесение в правовое развитие большей стратегической определенности и тактической гибкости. Ее специфика состоит

¹ См.: Малько А. В. Теория правовой политики. Москва, 2012.

в том, что она выступает одной из форм проведения государственной политики и средством юридической легитимации официального политического курса страны, вырабатывает стратегию и тактику правового развития общества.

Здесь принципиально важным моментом выступает теснейшая связь правовой политики с правовой системой и правовым развитием точно так же, как и связь экономической политики с экономической системой и экономическим развитием, информационной политики с информационной системой и информационным развитием и т. д. В силу этого она, будучи многогранной и многофункциональной, «учит» уметь обращаться как с целями, так и со средствами правового регулирования, «ищет возможности» усилить гарантии осуществления прав человека и его юридических обязанностей, создает условия для устранения пробелов, коллизий и иных дефектов в правовой системе, которым она призвана противодействовать. Уникальность правовой политики заключается в том, что она так или иначе может влиять на все стороны правовой жизни общества: и на правотворчество (через такую свою форму реализации, как правотворческая политика), и на правоприменение (через правоприменительную политику), и на юридическое образование и воспитание (через воспитательно-обучающую политику) и т. п.

Есть и другие виды правовой политики — отраслевые. Среди наиболее «ранних» разновидностей правовой политики заметно выделяется уголовная, в рамках которой разрабатывается стратегия и тактика борьбы с преступностью.

О конституционно-правовой политике и необходимости новой Конституции России. Наиболее же значимо влияет на правовое развитие общества политика конституционная, которая призвана «заботиться» о содержании и форме Конституции конкретного государства, о соответствии ее национальной идентичности и культуре.

Однако это далеко не всегда хорошо получается. Взять хотя бы Конституцию Российской Федерации 1993 года, которая имеет ряд недостатков, «требующих» обновленной версии нашего Основного закона. О необходимости его принятия с позиций конституционно-правовой политики мне приходилось неоднократно высказываться¹. И хотя изменения 2020 года сделали данный политико-правовой акт более российским, заметно «приблизжили» его к нашей национальной правовой культуре, процесс конституционного реформирования еще не завершен, обойтись полумерами, думаю, не получится. Ведь Конституция Российской Федерации 1993 года — акт, во многом «скопированный» с западных основных законов (Франции, Германии и др.), которые выступают конституционными ориентирами именно для либеральных стран.

Отсюда есть еще положения в Конституции Российской Федерации, которые создают внутреннюю противоречивую ситуацию в силу того, что, с одной стороны, они были механически заимствованы, а с другой — их пытались «навязать» как якобы общечеловеческие и цивилизованные стандарты (а на самом деле прозападные). **Противоречия содержатся в положениях о разделении властей** (явно не согласованы статья 10, в которой закреплено, что «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» и часть первая статьи 11, где уже указано, что «Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации»), **о федеральном устройстве** (достаточно посмотреть на статью 5 Конституции, где в первой части установлено, что «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов — равноправных субъектов Российской Федерации», а во второй — нечто противоречащее: «Республики (государство)...»); **о правах и свободах человека и гражданина** (которые без полноценной системы юридических обязанностей и ответственности превращаются в лучшем случае в декларации, а в худшем — во вседозволенность). Эти и иные противоречия и нестыковки не позволяют правовое пространство страны привести в единство, ибо сам образец — изначально противоречив, что не может не сказываться и на правовом развитии общества.

Нужна новая Конституция Российской Федерации, которая была бы изначально пророссийской, выражающей национальные интересы, традиционные духовно-нравственные ценности,

---

¹ См., например: Малько А. В. Конституционно-правовая политика современной России // Право и политика. 2001. № 6; Его же. Льготная и поощрительная правовая политика. Санкт-Петербург, 2004. С. 31–34; Его же. Теория правовой политики. Москва, 2012. С. 236–240.

которая бы отражала наши идеи народовластия, а не так называемой либеральной демократии. И самое главное — новой «путинской» Конституции требуется (в отличие от «ельцинской») более высокий уровень ее легитимности, поэтому при ее обсуждении и принятии важно значительно повысить степень правового сотворчества¹, в рамках которого институты гражданского общества и в целом избиратели более активно бы участвовали как во всенародном обсуждении, так и во всенародном голосовании (референдуме). Вовлекая «широкие народные массы» в данные совместные процессы сотворчества, тем самым создаются условия для более высшего непосредственного выражения власти народа и, как следствие, более полного соблюдения и эффективно действия такого политико-правового акта. Вполне можно согласиться с теми специалистами, которые весьма убедительно говорят о необходимости в современных условиях принятия именно новой Конституции Российской Федерации².

О концепциях как форме научных знаний. Различные теории, как и любое систематизированное научное знание, могут облекаться в различные формы. Одной из таких форм выступает концептуализация подходов в области правового регулирования, что является одной из первоочередных задач современной юридической науки.

Действительно, продукт, который должна давать юридическая наука, может быть выражен в более концентрированной, аргументированной, системной форме — в форме концепций. Особенно это касается крупных научных проблем, наиболее востребованных как наукой, так и практикой. Зачастую ученые сетуют на власть, практиков, что они далеко не всегда прислушиваются к их разработкам. В этом есть немало истины. Однако и ученые подчас не всегда дают научный продукт в целостном виде. Научные наработки будут выглядеть гораздо убедительнее и заметнее влиять на власть, на соответствующие правотворческие и правоприменительные структуры, если их давать на уровне концепций, где научные взгляды оформляются в более основательном, аргументированном, комплексном виде.

На этапе кардинальных трансформаций, происходящих сейчас в России, все больше становится очевидным, что законодательство не может развиваться вне четкой и обоснованной концептуальной основы. На подобные вызовы времени ученые-юристы отвечают уже не один год, разрабатывая и предлагая свои научные наработки в форме концепций. Так, выдержали не одно издание «Концепции развития российского законодательства»³, подготовленные сотрудниками Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Институтом государства и права РАН была предложена концепция стабильности закона, выраженная в форме монографического исследования⁴, профессором В. М. Барановым написано учебное

---

¹ «Под правовым сотворчеством следует понимать процесс совместного деятельностного взаимодействия государственных и общественных институтов, различных политических и социальных акторов в рамках правового поля (пространства правовой жизни), в результате которого рождается некая новая правовая реальность (в виде нормативных правовых положений и образцов их реализации) или же происходит обновление традиционной (с привнесением неких новых элементов в форму, структуру и содержание права)» (Трофимов В. В., Свиридов В. В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 109).

² См., например: Клеандров М. И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18; № 3. С. 7–18; Авакьян С. А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского Университета. Серия: Право. 2023. Т. 64. № 1. С. 3–21.

³ См., например: Концепции развития российского законодательства / под ред. Л. А. Окунькова, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. Москва, 1994; Правовая реформа: концепции развития российского законодательства / под ред. Л. А. Окунькова, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 1995; Концепции развития российского законодательства / под ред. Л. А. Окунькова, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 1998; Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 2004; Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой и Ю. А. Тихомирова. 5-е изд. перераб. и доп. Москва, 2010; Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой и Ю. А. Тихомирова. 6-е изд. перераб. и доп. Москва, 2013.

⁴ См.: Концепция стабильности закона: монография / отв. ред. В. П. Казимирчук. Москва, 2000.

пособие «Концепция законопроекта»¹, профессором В. В. Лапаевой и доцентом Е. В. Бурдиной опубликованы свои концепции² и т. д.

Однако концепция концепции разн. У них могут быть совершенно различные уровни охвата правовой жизни. Например, процессы преобразований в российском обществе обнаружили острую необходимость обеспечения стратегии развития страны не только социально-экономической программой, но и концепцией правового развития государства. На сегодняшнем этапе успешная реализация приоритетных национальных проектов, решение актуальных общегосударственных проблем напрямую обусловлены проведением единой в масштабах всего государства эффективной правовой политики, которая ориентирована не только на развитие законодательства, но и на правовое развитие общества в целом.

О доктринальных документах как научном продукте. Все вышеобозначенные концепции можно обобщенно назвать **доктринальными документами**, выступающими в качестве специфического жанра научного произведения. С одной стороны, это не монография, не статья, не тезисы (хотя доктринальный документ, несомненно, базируется на них). С другой — это и не элементарный конкретный законопроект, который обычно готовится в недрах органов власти (хотя структурно и содержательно что-то берет и от него). Это научный продукт, некий гибрид, специфическая «кодификация» накопленных научных знаний в важных сферах жизнедеятельности.

Особенности его состоят в том, что данный документ призван сочетать в себе специфическую монографичность (но обобщения в нем более высокого уровня, чем в обычной монографии) и концептуальный характер (который, в частности, предполагает концентрированную и системную форму изложения научной информации); во-вторых, он ориентирован как на науку, так и на практику.

Значение доктринального документа «вытекает» из того факта, что доктрина должна идти впереди правотворческих и правоприменительных структур. «Роль доктрины, — подчеркивал Р. Давид, — проявляется в том, что именно доктрина создает словарь и правовые понятия, которыми пользуется законодатель»³. И в этом смысле доктринальный документ есть некий своеобразный неофициальный правотворческий почин.

О проектах концепций правовой политики как особом доктринальном документе. Если же говорить о конкретных доктринальных документах, то в современных условиях необходимо разработать Концепцию правовой политики Российской Федерации в качестве одной из ключевых составных частей стратегии сбалансированного и устойчивого развития страны. Настало время выстраивать программу последовательных и долгосрочных юридических действий.

Одним из вариантов такого документа в принципе можно считать проект Концепции правовой политики в Российской Федерации, в котором были системно изложены взгляды на модельную программу правового развития российского общества на ближайшую перспективу⁴. В дальнейшем он стал предметом специальных обсуждений на страницах научных журналов, книг, диссертаций. В 2008 году было опубликовано второе (доработанное и дополненное) издание проекта Концепции правовой политики в Российской Федерации⁵, а в 2010 году — третье⁶.

Данный документ представляет собой систему теоретических положений, отражающих взгляды на сущность, цели, принципы, механизмы реализации и пути повышения эффективности правового регулирования в России в долгосрочной перспективе. Он разработан в целях гарантирования полноты и качества правового обеспечения основных направлений государственной политики, определенных в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, а также долгосрочных приоритетов стратегического развития России, учитывая их преемственность и внутреннюю взаимосвязь. Он призван стать ориентиром для органов власти при подготовке

¹ См.: Баранов В. М. Концепция законопроекта: учебное пособие. Нижний Новгород, 2003.

² См.: Лапаева В. В. Концепция совершенствования российского законодательства, регулирующего развитие исследований в области генома человека // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 2; Бурдина Е. В. Концепция электронного (цифрового) правосудия как основа теоретико-правового моделирования судебной системы // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сборник статей / отв. ред. Е. В. Алферова. Москва, 2021. С. 129–159.

³ Давид Р. Основные правовые системы современности. Москва, 1988. С. 143.

⁴ См.: Матузов Н. И., Малько А. В., Шундикова К. В. Правовая политика современной России: предлагаем проект концепции для обсуждения // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1. С. 6–27.

⁵ См.: Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А. В. Малько. Москва, 2008.

⁶ См.: Правовая политика: словарь и проект концепции / под ред. А. В. Малько. Саратов, 2010.

и принятии нормотворческих, правоприменительных и интерпретационных актов, а также при разрешении коллизий.

В его развитии нужны более детальные концепции правотворческой, правоохранительной, правозащитной, судебной политики и другие, конкретизирующие и развивающие общую. Часть из вышеназванных уже подготовлена. Например, проект Концепции правовой политики стал основой для создания таких доктринальных документов, как проект Концепции правотворческой политики в Российской Федерации¹, проект Концепции правоохранительной политики в Российской Федерации², проект Концепции муниципально-правовой политики в Российской Федерации³, проект Концепции правозащитной политики в Российской Федерации⁴, проект Концепции правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области) до 2035 года⁵. На современном этапе одним из важнейших направлений для разработки наиболее востребованных доктринальных документов выступает, в частности, научное сопровождение вхождения Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей в состав единого Российского государства. Это может быть воплощено в соответствующей Концепции российской правовой политики в сфере интеграции новых субъектов с Российской Федерацией. Роль данного документа весьма высока, ибо именно с помощью него можно будет более эффективно организовать правовое «слаживание» новых регионов, оптимизировать формирующееся в этой связи правовое пространство, выстроить целостную правовую систему страны. Он внесет в эти процессы порядок, некую последовательность, определит очередность необходимых юридических действий.

Данные концепции призваны создавать алгоритм развития той или иной сферы юридической деятельности, показывать вектор «возможного осуществления» ее различных видов. Только выходя на концептуальный уровень, современная юридическая наука с помощью инструментов правовой политики сможет активно помочь и соответствующей юридической практике.

Разработка доктринальных документов — важнейшее направление в современной юридической науке. В самом общем плане **доктринальный документ** есть научное произведение, направленное на исследование и усовершенствование как отдельного закона и массива законодательства, так и правовой системы (и соответственно правового развития) общества в целом.

В зависимости от степени охвата юридической материи (в зависимости от объема объекта исследования и усовершенствования) доктринальные документы могут подразделяться (условно говоря) на **специальные** (например, концепция одного законопроекта), **отраслевые (межотраслевые)** (например, концепции развития законодательства) и **общие (универсальные)** (концепции правовой политики, охватывающие «своим вниманием» правовую систему общества либо ее значительную часть). Если применить сравнение с организмом как биологической системой, то первые можно рассматривать как некую «клетку», вторые — как «органы», а третьи — как «организм».

Что касается специальных доктринальных документов, то с ними более-менее все понятно. Возникают проблемы тогда, когда нужно отличать отраслевые (межотраслевые) от общих (универсальных). Чем же отличаются научные концепции развития законодательства от концепций правовой политики?

Если объектом первых выступает оптимальное развитие законодательства, то объектом вторых — усовершенствование правовой системы общества в целом либо какой-то ее значительной части. В этой связи Ю. А. Тихомировым верно подмечено: «Как охарактеризовать научную концепцию развития законодательства? Примерное определение можно сформулировать следующим образом: это прогнозная модель его оптимального развития для решения актуальных задач государства»⁶. Несомненно, данные доктринальные документы, которые являются результатом

¹ См.: Малько А. В., Мазуренко А. П. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект). Москва, 2011.

² См.: Концепция правоохранительной политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А. В. Малько. Саратов, 2012.

³ См.: Концепция муниципально-правовой политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А. В. Малько. Ростов-на-Дону, 2013.

⁴ См.: Концепция правозащитной политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А. В. Малько. Ульяновск, 2014.

⁵ См.: Концепция правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области) до 2035 года (проект) / под ред. А. В. Малько и В. В. Трофимова. Тамбов, 2021.

⁶ Тихомиров Ю. А. Введение // Научные концепции развития российского законодательства: 8-е изд., перераб. и доп. / под ред. Т. Я. Хабриевой и Ю. А. Тихомирова. Москва, 2024. С. 20.

труда больших научных коллективов и которые содержат детальный анализ отраслевого и межотраслевого нормативного материала, имеют огромное значение и для науки, и для практики. Они давно уже себя зарекомендовали в качестве ценного аналитического опыта.

Концепции же правовой политики — это доктринальный документ нового поколения, это другой вид научного продукта с иным уровнем концептуализации правовой материи, а отсюда и со сверхсложной (более общей и универсальной) природой. Они, естественно, могут базироваться на специальных и отраслевых доктринальных документах, в чем-то обобщать их материал. Они ориентированы не столько на развитие конкретного законодательства, сколько на правовое развитие общества в целом (правовой системы) или какого-либо его сегмента (правоохранительной, правозащитной, судебной и других систем). В этом смысле концепции правовой политики имеют более широкое социальное звучание, более объемный и одновременно более обобщенный охват правового материала. Получается, что они не связаны только с развитием законодательства, а «выходят» на более высокий уровень абстрагирования, «интересуясь» не только законами и подзаконными актами, но и иными источниками права (действующими юридическими обычаями, договорами и т. д.), не только уровнем нормативного правового регулирования, но и уровнем правоприменительной и правоинтерпретационной практики, а также проблемами развития юридической доктрины, правосознания, правовой культуры и т. п. Кроме того, нужно учитывать и то, что сама правовая политика — одновременно и юридический, и политический феномен. Когда мы говорим о ней, по сути, «речь идет о межсистемном институте. По своей социальной сущности и властно-управленческому потенциалу правовая политика — феномен преимущественно политический, а по функциональной направленности, характеру решаемых задач, ценностно-нормативным основаниям и формам реализации примыкает к правовой системе»¹.

Однако нужно помнить, что доктринальные документы выступают комплексными научными разработками и их нельзя отождествлять с доктринальными правовыми актами (как политико-правовыми актами, имеющими официальный характер, исходящими от компетентных субъектов, обладающими обязательностью и влекущими политико-правовые последствия). Если примерами первых можно считать, в частности, Концепции развития российского законодательства (в нескольких переизданиях)², проект Концепции правовой политики в Российской Федерации³, то примерами вторых — Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации; Концепцию внешней политики Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации, и др.

Иными словами, доктринальные документы и доктринальные правовые акты — принципиально разные с точки зрения юридического значения и юридических последствий явления. Их объединяет общий признак — доктринальный характер⁴.

О Концепциях правовой политики как новом политико-правовом акте. Доктринальный документ (как научный продукт) может трансформироваться в доктринальный правовой акт, если, например, органы публичной власти его утвердят как акт официальный.

Что же для этого нужно сделать?

Необходимо на основе имеющейся теории и проекта доктринального документа разработать Концепцию правовой политики в Российской Федерации до 2030 года как общий политико-юридический документ, охватывающий своим влиянием все правовое развитие общества. Такого документа (включая и Конституцию Российской Федерации) на сегодняшний день у нас нет. Его нужно создавать и официально на общегосударственном уровне утверждать указом Президента Российской Федерации по примеру того, как это уже сделано в ряде стран, в частности, приняты и действуют следующие политико-правовые акты:

— Концепция правовой политики Республики Казахстан утверждалась Указом Президента трижды: в 2002 году была принята до 2010 года, в 2010 году (обновленный вариант) — до 2020 года, а в 2021 году — опять обновленный вариант, но уже до 2030 года. В последнем варианте установлено, что она «является документом Системы государственного планирования, определяющим

¹ Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права. Волгоград, 2009. С. 188.

² См., например: Научные концепции развития российского законодательства: 7-е изд., перераб. и доп. / под ред. Т. Я. Хабриевой и Ю. А. Тихомирова. Москва, 2015.

³ См.: Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А. В. Малько. Москва, 2008.

⁴ См. подробнее: Малько А. В., Гайворонская Я. В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право. Журнал ВШЭ. 2018. № 1. С. 13.

приоритетные направления развития национального права, правоохранительной и судебной систем, внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, а также правового образования и правовой пропаганды»;

— Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 годы утверждена Указом Президента 6 февраля 2018 года, в которой наряду с совершенствованием отраслей права предложены меры по оптимизации правового просвещения, правовой пропаганды и правовой помощи;

— Концепция правовой политики Кыргызской Республики на 2023–2026 годы утверждена Указом Президента 31 мая 2023 года; в ней закреплено, что «основной целью правовой политики является обеспечение верховенства права, повышения уровня и качества правовой жизни общества и его структурных подразделений, более гарантированного осуществления прав человека и гражданина, интересов личности, а основными ее направлениями являются: 1) совершенствование нормотворческих процессов; 2) совершенствование правоприменительной практики; 3) правовое просвещение; 4) развитие права и науки»;

— Концепция правовой политики Республики Беларусь утверждена Указом Президента 28 июня 2023 года, в которой под правовой политикой понимается «научно обоснованная деятельность государства при участии граждан, общественных институтов по формированию и развитию всех элементов правовой системы», что «целями настоящей Концепции является обеспечение эффективного функционирования и дальнейшее совершенствование правовой системы в интересах белорусского государства, общества и граждан».

То, что Концепции правовой политики утверждены главами ряда вышеперечисленных государств, — знаковое событие. Это означает своеобразный «перевод» накопленных концептуальных знаний о правовой политике из доктринального документа в документ официальный, содержащий определенные ориентиры для юридической практики, для правового развития общества.

Требуется основательный анализ существующих Концепций правовой политики обозначенных стран с тем, чтобы и в России наконец-то был принят соответствующий политико-правовой акт. Хотя нужно отметить, что впервые еще в 2001 году о необходимости разработки подобного документа с конкретными предложениями по его содержанию и структуре было сказано именно в России¹. В 2002 году реакция последовала не из российских органов власти, куда были отправлены соответствующие материалы, а из Казахстана, где, по сути, воплотились в жизнь предлагаемые мною идеи, разумеется, с существенными и значительными дополнениями.

Концепции правовой политики нужны и в субъектах Российской Федерации. Пионером в этом выступила Иркутская область, в которой 16 июля 2015 года распоряжением ее Губернатора утверждена Концепция государственной правовой политики Иркутской области. В ней данная политика определяется как «комплексная деятельность органов государственной власти (государственных органов) Иркутской области во взаимодействии с территориальными органами федеральных органов государственной власти в Иркутской области, органами местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области..., организациями, общественными объединениями и гражданами, направленная на формирование единого правового пространства в Иркутской области, развитие институтов мировой юстиции и правового просвещения граждан...».

О традиционных российских духовно-нравственных ценностях как важнейшем векторе развития юридической науки. В 90-х годах юридическая наука в России развивалась весьма противоречиво, она оказалась неготовой к тем изменениям, которые произошли в обществе. Бурное развитие права, к сожалению, не было связано с таким же бурным развитием юридической доктрины. Наука существенно отставала от потребностей правовой политики и от правовой жизни, которые «шли» во многом на ощупь, двигались методом «проб и ошибок». Отсюда подчас были и механические заимствования тех или иных юридических институтов, конструкций и средств из иностранного законодательства (например, института траста из англосаксонского права), что делалось во многом не от «хорошей доктрины». Отсюда и шараханье властных структур, которые не имели в своей основе надежных правовых ориентиров, национально выверенной юридической идеологии, базирующейся на наших культурных ценностях и особенностях российской политико-правовой жизни. По сути, под видом «демократизации» и «либерализма» подтачивалась наша государственность.

¹ См.: Малько А. В. О концепции правовой политики в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 2. С. 174–177.

Современная же Россия в условиях кардинальной трансформации, уверенно двигаясь от однопольного к многополярному миропорядку, соответственно меняет курс не только политики в целом, но и правовой политики в частности. Глобальное мировое переустройство (и специальная военная операция как важная составная часть его) вывели на передний план нашей жизни такие ценности, на которые до недавнего времени представители прозападно-потребительских идей старались не обращать внимания. Речь идет об исконно наших идеалах, о российской идентичности, о национальной правовой культуре.

В этой связи сегодняшняя правовая политика должна реформировать правовую систему общества, базируясь при этом на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, выступающих фундаментом всей нашей жизни. Это же относится, естественно, и к юридической науке, одна из задач которой состоит в том, чтобы дать ответы на следующие вопросы, возникающие перед юридической практикой в связи с заявленным государством курсом на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей: «Каким образом право должно отреагировать на новый курс? Какие правовые инструменты и механизмы необходимо задействовать? Что должно «отмереть», а что «родиться» либо «возродиться» в российской правовой системе? <...> Важно определить место и роль традиционных российских духовно-нравственных ценностей в отечественной правовой системе в рамках единой теоретико-правовой концепции, которая по своему характеру должна претендовать на роль новой правовой парадигмы, которая будет иметь потенциал стать основой формирования дальнейших доктринальных разработок, имеющих практическую пользу для российского общества в виде систематизированного и унифицированного обновления отечественной системы правового регулирования. На сегодняшний день, безусловно, юридическая наука и практика нуждаются в единой теоретико-правовой концепции традиционных духовно-нравственных ценностей в российском праве»¹.

Более того, обозначенные ценности выступают важнейшей основой для юридических теорий, способствующих формированию соответствующей правовой политики, которая на стратегическом уровне будет пытаться их решать с помощью выстраивания тех или иных приоритетов, определения целей и поиска адекватных юридических средств для их достижения.

О научной школе правовой политики. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что пришло время для крупных научных проектов, которые в одиночку не осилить. Нужны научные коллективы, особой разновидностью которых выступают научные школы.

В частности, школа правовой политики берет свое начало еще с 1996 года, когда я, будучи членом редколлегии журнала «Правоведение», провел круглый стол одноименного журнала по теме «Приоритеты правовой политики в современной России» на базе Саратовской государственной академии права. Круглый стол получился весьма результативным, после чего на страницах двух номеров журнала «Правоведение» были опубликованы соответствующие материалы². Данное научное мероприятие придало импульс более энергичному исследованию правовой политики и ее видов, ибо было направлено на определение целей и основных первоочередных задач обозначенной политики в условиях постсоветской России.

Для научного сопровождения исследований названной темы стал издаваться специальный профильный журнал «Правовая политика и правовая жизнь». За эти годы защищено несколько десятков кандидатских и докторских диссертаций, под редакцией и при моем личном авторском участии опубликованы несколько десятков коллективных монографий, сборников научных трудов, статей, посвященных названной теме, ведь для масштабных исследований такой многогранной проблемы, как правовая политика, зачастую необходимо объединение усилий многих ученых, в результате чего и была создана научная школа правовой политики³.

Обобщая доктринальные наработки данной научной школы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор В. М. Сырых подчеркнул, что «научная школа имеет место лишь там, где существует не просто коллектив единомышленников, а такой коллектив, который активно разрабатывает какую-либо оригинальную теорию в области правоведения... Из современных российских правоведов реально на образование школы претендуют

---

¹ Хужина О. Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в российском праве: постановка научной проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3. С. 42.

² См.: Правоведение. 1997. № 4. С. 146–176; 1998. № 1. С. 124–186.

³ См.: Субочев В. В. Научная школа правовой политики профессора А. В. Малько: 20 лет активных действий // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4. С. 8–14.

немногие, в частности, доктор юридических наук, профессор А. В. Малько, трудами которого создана теория правовой политики современного государства, которая ранее российскими правоведами исследовалась лишь в самом общем виде. Совокупность аспирантов и докторантов, успешно защитившихся под руководством А. В. Малько по проблемам правовой политики и последовательно развивавших его идеи, можно рассматривать, по нашему мнению, как самостоятельную научную школу¹. Воспринимаю такие слова известного ученого-методолога с большой благодарностью и как некий «аванс», который еще нужно отработать.

О научном туризме. В рамках научной школы правовой политики часто проводились выездные заседания круглых столов в разных городах и в разных вузах, что дало основание для обозначения подобного научным туризмом. Естественно, научный туризм — условное название, ведь само слово «туризм», согласно словарям, означает (от французского «поездка») путешествие². Отсюда его можно назвать и как некое «научное путешествие», сочетающее занятия наукой и туризмом.

Научный туризм как специфическая подвижническая (в прямом и переносном смысле слова) научная деятельность предполагает и соответствующие формы мероприятий — круглые столы. Именно они, в отличие от масштабных площадок — симпозиумов, конференций, чтений и т. д., больше всего подходят для таких динамичных и точечных научных дел. Круглые столы предполагают, как правило, немногочисленный состав, подбирающийся строго по научным интересам и обсуждающий какую-либо одну специальную тему. Здесь уже ставка делается не столько на количество приглашенных (зачастую с разными научными устремлениями), сколько на то, что участники, занимающиеся во многом схожими научными направлениями, могут выступать в качестве экспертов, глубоко погруженных в проблему и пути ее разрешения. К тому же круглые столы — достаточно демократичная и свободная форма: все участники на равных условиях (без всяких президиумов) заседают за одним столом, в любое время (без всяких строгих регламентов) можно задать вопрос, высказать свое мнение, реплику и т. п. Все это позволяет более гибко и оперативно проводить научные мероприятия с максимальным эффектом. Конечно, в науке используются разные формы мероприятий, и никто не против них. Просто для научного туризма в силу его специфики, проявляющейся в своего рода «кочевом» научном образе жизни, более органичными (простыми и удобными) оказались именно «малые формы» — круглые столы.

По сути, образовался некий клуб единомышленников, желающих заниматься наукой в таком формате. Сложилась даже специфическая «научно-туристическая культура» со своими традициями (например, первые выступления на круглых столах, как правило, предоставляются тем, кто приехал из более дальних регионов, поскольку в научном туризме считается, что они больше имеют право на это; тех же, кто занимается научным туризмом постоянно и плодотворно, в своем кругу называем «заслуженный научный турист»; по результатам научного мероприятия обязательно публикуются обзоры в одном из журналов).

Научный туризм — это целое движение, с помощью которого те, кто хочет заниматься наукой, имеют еще и возможность познакомиться с местными достопримечательностями, с очагами культуры. Отсюда это не просто научный, а скорее, «научно-культурный туризм».

О том, как я стал почетным профессором в Китае и читал лекции в Германии. Именно в рамках многочисленных выездных круглых столов (а их было более 300) происходили обсуждения различных проектов доктринальных документов, которые, пройдя определенную апробацию, становились более завершенными.

Отдельные же проекты Концепций «выступили своеобразными причинами» для приглашения меня на международные мероприятия, то есть для занятия уже зарубежным «научным туризмом». Так, во многом благодаря проекту Концепции правоохранительной политики в Российской Федерации в 2012 году я был не только приглашен в Чженчжоуский государственный университет (Китай) на Международную научно-практическую конференцию, но и стал почетным его профессором. Исходя из того, что данная конференция была посвящена исследованиям судебной реформы государства в переходный период, я предложил разработать и принять проект Концепции судебно-правовой политики КНР, которая бы лежала в основе их судебной реформы. Мой доклад высоко

¹ Сырых В. М. Вступительная статья // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий и автобиографий. Т. 3 / отв. ред. В. М. Сырых. Москва, 2015. С. 21.

² См.: Словарь иностранных слов. Москва, 1988. С. 512; Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва, 1991. С. 814.

оценили и предложили сотрудничество, а первым шагом с их стороны было вручение удостоверения почетного профессора Чженчжоуского университета.

В Институт же правовой политики Трирского университета (Германия) я был приглашен в 2014 году как для участия в Международном симпозиуме, так и для чтения лекций по российской правовой политике. Здесь уже ключевую роль сыграл такой доктринальный документ, как проект Концепции правозащитной политики в Российской Федерации, который заинтересовал директора Института правовой политики Трирского университета профессора Герхарда Робертса. Он связался со мной по электронной почте и попросил выступить на обозначенном симпозиуме. Я дал согласие, организовал перевод данного проекта на немецкий язык и выступил с докладом.

Что касается лекций, то мне предложили прочитать курс «Российская правовая политика» именно на русском языке, так как в Трирском университете (основанном в 1473 году) есть специальный международно-правовой институт, в рамках которого готовят юристов, ориентированных на различные страны (например, Францию, Италию, Швецию, Россию и т. д.). Данные студенты организуются в соответствующие группы и должны знать язык того государства, на которое они ориентированы в образовательном плане, поэтому я читал лекции для русскоязычной аудитории, а затем принимал зачет. Для других групп приглашались профессора соответственно из иных стран, которые тоже на своем языке читали лекции и принимали зачеты.

Таким образом, доктринальные документы, как оказалось, «работают» в том числе и в сфере международного научного туризма и дают свои плоды. Хотелось бы надеяться, что они будут более эффективно использованы и по прямому своему назначению и окажут определенную роль в организации правового развития нашего общества.